

DOI: 10.15372/HSS20160414
УДК 002.2(470)(091)

А.Л. ПОСАДСКОВ

**ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ И ГОРИЗОНТАЛИ ИНТЕРЕСОВ:
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕФОРМ 1920–1930-х и 1990–2000-х гг.
В КНИЖНОМ ДЕЛЕ РОССИИ**

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
630200, Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье сравниваются реформы книжного дела России 1920–1930-х гг., приведшие к установлению жестко централизованной «вертикали» власти в управлении книжной отраслью, с реформами 1990–2000-х гг., которые, наоборот, сформировали в обществе «горизонтальную» схему взаимодействия книжных предприятий в форме общероссийского и локальных сообществ издателей, книготорговцев, полиграфистов. Издательская реформа 1928–1930 гг. лишила местные издательства какой-либо самостоятельности, сделав их придатками единой монопольной структуры книгоиздания – краевыми отделениями Объединения государственных издательств РСФСР (ОГИЗа), ставшими в 1950-е гг. краевыми и областными издательствами под руководством Госкомиздата СССР. Реформация издательской сферы России в 1990-е – начале 2000-х гг. вернула местным издательствам роль территориальных очагов книжного дела, чья ценность определяется вкладом в общественное и культурное развитие регионов. Отмечается, что современная система взаимоотношений позволяет оптимально решать задачи по удовлетворению дифференцирующихся потребностей общества в печатной информации.

Ключевые слова: книжное дело, книгоиздание, книжная торговля, Сибирь, Дальний Восток, реформы, Сибкрайиздат, Акционерное общество «Книжное дело».

A.L. POSADSKOV

**VERTICALS OF POWER AND HORIZONTALS OF INTERESTS:
COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF REFORMS OF THE BOOK-BUSINESS
IN RUSSIA IN THE 1920–1930s AND THE 1990–2000s**

State Public Scientific Technological Library of the SB RAS,
15, Voskhod Str., Novosibirsk, 630200, Russia

The article is devoted to comparative analysis of reforms in the book business in Russia during the Soviet and post-Soviet eras. The author proves that reforms of the 1920–1930s were undertaken in order to form and strengthen a “vertical” (centralized) system of state management for the book publishing and book trade. Partial transfer of power from the government to the regional level during the period of the “new economic policy” was a retreat from the mainstream. Along with the structures of Gosizdat of RSFSR which had a monopoly on book business, state-run co-operative societies appeared in the province – the joint-stock association “Sibkrayizdat” in Siberia and the joint-stock company “Knizhnoye delo” in the Russian Far-East. They represented a regional “vertical of power” and contained some elements of “horizontal” system of developing the country’s book culture, oriented towards the creation of territorial societies of publishers and bibliophiles. However, the next reform of 1930–1931 swept away all attempts to weaken the “vertical”, having established rigid centralization in the Russian book business. Territorial systems of book business were transformed into local branches of a single monopolistic structure – Union of State Publishing Houses of RSFSR (OGIZ) and its book trading division (KOGIZ). Further on they transformed into regional publishing houses and book trading units of the USSR Goskomizdat system.

Reforms of the 1990–2000s, on the contrary, destroyed the “vertical of power” in the Russian book business, having determined as a priority the “horizontal” ties between book traders whose motley mosaic build up today territorial societies of members of book industry. “Horizontal” scheme of book business development is aimed at better satisfying growing and increasingly varied demands of modern society in the regions of Russia. Rudiments of the “vertical” system that remained in a form of provincial and territorial state publishing houses in the 1990s–2000s suffered a breakup one by one.

Key words: book business, book production, book trade, Siberia, Far East, reforms, Sibkrayizdat, joint-stock company “Knizhnoye delo”.

Александр Леонидович Посадсков – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

Alexander L. Posadskov – Doctor of historical Sciences, Senior Researcher, State Public Scientific Technological Library of the SB RAS.

В начале 1990-х гг., на заре «рыночных» реформ, автор настоящей статьи в работе [1] отметил, что общая суть преобразований дореволюционного книжного дела России в советское состояла в «перетекании» книжного дела из сферы действия общественных сил страны в сферу деятельности государства [1, с. 15, 38]. Подразумевалось, что обратный процесс возврата к нормальному состоянию приведет в конечном счете к противоположному результату: книжное дело России опять станет, по образцу всех развитых стран, частью общественного ландшафта, а не государственного устройства.

Сегодня, спустя четверть века, можно констатировать, что прогноз вполне оправдался. Государство радикально покинуло сферу книжного дела – настолько, что вослед ему до сих пор несутся призывы вернуться, взять под свое крыло затухающую издательскую активность в регионах, обеспечить государственным деньгами выпуск некоммерческой литературы провинциальных авторов, ввести налоговые преференции для издателей и книготорговцев. Но мольбы напрасны. Государственные органы в лице федеральных и региональных чиновников больше не считают выпуск книг своей задачей, а книгу уже не воспринимают как обязательный инструмент руководства обществом. Закон Российской Федерации о средствах массовой информации (1991) и развивающие его положения другие нормативные акты первой половины 1990-х гг. сняли с государства ответственность за состояние книжной отрасли и утвердили в качестве движущих сил этой сферы экономики и культуры издательские, книготорговые и полиграфические предприятия – как юридические лица, отвечающие за все последствия своей деловой самостоятельности. В течение первого постсоветского десятилетия у государства оставался последний – символический – рычаг воздействия на издательскую среду: лицензирование издательской деятельности. Предприниматель или учреждение, желающие заниматься издательской деятельностью, обязаны были получить от государства лицензию на право осуществлять таковую. В 2002 г. лицензирование издательской деятельности было законодательно отменено, и сегодня все «поле» российского книгоиздания принадлежит исключительно самим издателям. По словам О. П. Ткача, вице-президента Российского книжного союза и учредителя Издательства «ОЛМА Медиа Групп», «по большому счету, сегодня можно издавать что хочешь, как хочешь, когда хочешь. И это уже стимул для того, чтобы эффективно развиваться» [2].

Книжное дело России вернулось, таким образом, в русло традиционного культурного саморазвития, став одним из выразителей общества, областью реализации общественных потребностей, взаимодействия общественных сил. Но общественная стезя и государственный механизм основаны на совершенно разных принципах существования. В основу концепции государственности положена так называемая «вертикаль власти» – принцип подчинения нижестоящих звеньев системы вышестоящим. Суть развития

общества состоит в расширении, усложнении и совершенствовании взаимоотношений «горизонтального» пространства равноправных партнеров – субъектов общественного процесса. И с этой точки зрения книжное дело России в XX в. вызывает чрезвычайный интерес как объект воплощения двух разных состояний: «вертикальной» государственной структуры в советское время и «горизонтального» переплетения общественных интересов в периоды «нормальной» гражданской истории – дореволюционной и постсоветской. И в том, и в другом случае переход к новому состоянию осуществлялся через тотальные реформации, в данном случае это были, с одной стороны, полоса реформ 1928/1931 гг. в книжном деле СССР, а с другой – растянувшиеся на десятилетие эволюционные реформы 1991/2002 гг. в книжной отрасли постсоветской России.

Историка всегда интересует конкретная картина происходивших событий. Какими способами, с помощью каких радикальных приемов менялся статус изучаемого объекта, насколько успешно шла работа по осуществлению этих преобразований, как преодолевался хаос, неизбежно возникавший в ходе масштабных перемен, какими оказались общие итоги перехода книжного дела страны от «горизонтального» к «вертикальному» способу существования и обратно. На некоторые из этих вопросов призвана ответить настоящая статья. Отметим, что географический охват публикации ограничен рамками Сибири и Дальнего Востока, на примере которых отслеживаются все зигзаги структурных реформаций книжного мира провинциальной России.

Придя к власти, большевики немедленно занялись выстраиванием «вертикали» своей диктатуры. В книжном деле это выразилось в создании единого для всей страны государственного аппарата книгоиздания – Госиздата РСФСР, имевшего свои отделения во всех крупных административных центрах России. В Сибири действовало Сибирское отделение Государственного издательства (Сибгосиздат), которое, в свою очередь, возглавляло целую сеть подчиненных ему филиалов в губернских городах – Томске, Омске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, Якутске. «Вертикаль» не предполагала какой-либо финансовой или организационной самостоятельности филиалов, но последние пользовались свободой тематического подбора своей издательской продукции: они сами определяли, какую книгу, когда и каким тиражом выпускать.

Другая «вертикаль» была создана в области государственного распространения литературы: в столице существовало Центральное агентство по распространению печати РСФСР (Центропечать), а на местах – в областях, губерниях, уездах была организована целая сеть его представительств: Сибирское отделение Центропечати руководило губернскими отделениями, а те, в свою очередь, уездными. Эта структура также была монопольной и безальтернативной для всей страны.

Существовавшие ранее другие издательские и книготорговые предприятия – частные, кооператив-

ные, ведомственные и общественные – были либо ликвидированы в административном порядке, либо влиты в систему Госиздата и Центропечати.

Экономическая неэффективность этой жестко централизованной схемы обслуживания книгой российских регионов выявилась уже на подходе нэпа. В начале 1921 г. «вертикали» исчерпали все внутренние резервы регионов, поскольку задача возобновления сырьевых (бумага, полиграфические материалы) и технологических (типографии) ресурсов, а также вопросы подбора и удержания квалифицированных кадров в локальных учреждениях системы не входили в число приоритетов центрального аппарата. Выпускавшаяся печатная продукция никак не была связана с «горизонтальными» нуждами населения регионов: выходили почти исключительно политико-агитационные и пропагандистские издания, одинаковые по содержанию на всех территориях, где действовала централизованная система обеспечения граждан печатным словом. Книг с «местной» тематикой было крайне мало, все они так или иначе увязывались с политическими задачами, которые ставила перед обществом большевистская партия.

С развитием в регионах РСФСР новой экономической политики система руководства книжным делом страны из одного политико-организационного центра была отодвинута на второй план. Госиздат сохранил позиции ведущего издательства с многочисленными местными филиалами, но на первые роли в крупных административно-территориальных пространствах страны, таких как Сибирский и Дальневосточный края, вышли территориальные системы книжного дела, основанные на принципах правовой и экономической самостоятельности. Для Сибири это было Пяевое товарищество «Сибирское краевое издательство и книготорговля» (Сибкрайиздат), начавшее действовать 26 сентября 1924 г.¹, для Дальнего Востока – Акционерное общество «Книжное дело», созданное 2 октября 1923 г.² Предприятия действовали в границах Сибирского и Дальневосточного краев соответственно, объединив в своем составе как издательскую часть, так и региональную книжную торговлю. В окружных городах своего края они имели филиалы, выполнявшие издательские и книготорговые функции. Средства, заработанные с помощью книжной торговли, полностью (за исключением налогов) шли в бюджет самих издательско-книготорговых объединений, т. е. направлялись на их внутреннее развитие. Это позволило Сибкрайиздату и «Книжному делу» всего за пять–шесть лет поднять книгоиздание и книжную торговлю в своих регионах на уровень, вполне адекватный экономической и социокультурной ситуации нэповской России. Эти два региональных объединения вместе выпускали в 1925–1930 гг. от 200 до 300 и бо-

лее названий книг ежегодно, совокупные тиражи данной литературы не опускались ниже 1 млн экз. в год. Резко поднялись показатели книжной торговли, оборот которой в отдельные годы превышал 4 млн руб. (в ценах 1926 г.). Сибкрайиздат с помощью создаваемых им на местах «пяевых книжных товариществ» смог сформировать книготорговую сеть, доходившую до всех районных центров и крупных сел. Число магазинов «Книжного дела» увеличилось за 1923–1929 гг. с 6 до 23 [3, с. 238–284].

Следует отметить, что отмена государственной монополии на издательскую и книготорговую деятельность привела в 1920-е гг. к общей диверсификации этой деятельности в российской провинции. В Сибири и на Дальнем Востоке, кроме крупных игроков регионального книжного рынка, появились локальные издательские и книготорговые предприятия кооперативных и общественных организаций, частных лиц. Их было совсем немного, но сама тенденция создания негосударственных очагов книжного дела свидетельствовала о векторе культурной политики властей.

Итак, вместо одной «вертикали» в книжной индустрии страны появилось множество региональных «вертикалек». Но верно ли считать, что крупные территориальные издательско-книготорговые объединения 1920-х гг. в полной мере воплощали в себе идею развития «горизонтального» сообщества культурных граждан на востоке России? Ответ может быть лишь отчасти утвердительным, а точнее, половинчатым. Для правильного понимания ситуации необходимо обратить внимание на состав выпущенной литературы.

Репертуар Сибкрайиздата и «Книжного дела» заметно отличался от убогой тематики бывших отделений Госиздата. Издавалось большое количество так называемых «краевых» учебников, предназначенных для школ своего края и содержавших материал по его географии, этнографии, истории, литературе и т.д. Вышло значительное количество научной литературы, подготовленной региональными учеными, многие из этих книг содержали краеведческие сюжеты. Появилось немало литературно-художественных изданий местных прозаиков и поэтов, некоторые из них спустя годы вошли в классику региональной литературы. Выходили также альбомы по искусству, воплощавшие творчество местных мастеров кисти и резца. Вершиной издательских достижений регионов стала подготовка местных многотомных энциклопедических изданий – Сибирской советской энциклопедии в Сибкрайиздате и Энциклопедии Дальневосточного края в «Книжном деле» (хотя последняя так и не вышла в свет). «Регионализация» книжного репертуара, его ориентация на культурные запросы читателей свидетельствуют, безусловно, о продвижении издателей в сторону общественных интересов, по пути развития регионального гражданского сообщества.

Но при этом необходимо помнить, что самая важная «вертикаль власти» – система идеологического контроля и руководства культурой из «штаба» большевистской партии – никуда не исчезла из практи-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1292. Л. 2–2 об., 7; Д. 1219. Л. 1–2.

² Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 18. Л. 132; Д. 2. Л. 13.

ки региональных издательств. Да и сами «пайщики» и «акционеры» региональных книжных кооперативов представляли собой государственные органы, ведомства и этатизированную советскую кооперацию: в обоих случаях главными вкладчиками капиталов были краевые исполкомы, отделы народного образования и союзы кооперативов, некоторые учреждения. Книжный репертуар издательств, несмотря на его идеологическое размягчение, включал большое количество партийно-политической литературы ВКП(б), директивные материалы советских органов и весь тот шлейф изданий, который сопровождал каждую политико-пропагандистскую кампанию государства. Поэтому говорить о перемещении издателей в плоскость «горизонтальных» связей региональной общности можно лишь в относительном смысле, в сравнении с предыдущим периодом. Вполне очевидная «вертикаль» управления отраслью осталась неизменной.

Однако даже такой паллиатив общественной «горизонтальности» не устраивал новую генерацию сталинистов, входившую во власть с конца 1920-х гг. В книжном деле, как важном участке «идеологического фронта», им нужна была совершенно четкая иерархия партийного руководства. В 1927 г. начинается подготовка, а с 1928 г. осуществляется масштабная реформа всего комплекса советских книгоиздания и книготорговли.

Первым шагом к новому установлению всеобъемлющего диктата Коммунистической партии в книжном деле СССР стала так называемая «пятилетка печати», объявленная в начале 1928 г. Все издательства страны, независимо от их статуса (даже карликовые) должны были в принудительном порядке представить в Комитет по делам печати СССР свои производственные планы на первую пятилетку. 28 декабря 1928 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об обслуживании книгой массового читателя», главным посылом которого выступала мысль о партийном руководстве в деле формирования нужного ВКП(б) и советскому государству книжного репертуара издательств [3, с. 338–339].

Чертой, за которой для книжного дела страны начиналась новая эпоха, стало постановление ЦК ВКП(б) от 30 июля 1930 г. «О работе Госиздата РСФСР и объединении издательств» [4, с. 38–58]. Постановление ликвидировало всякую самостоятельность большинства издательств РСФСР, выпускавших литературу для массового читателя. Все они, как в центре, так и в регионах, были слиты в единый аппарат – Объединение государственных издательств РСФСР (ОГИЗ). Вся книжная торговля страны, в свою очередь, соединялась в Книгоцентр ОГИЗа (через год он будет преобразован в Книготорговое объединение государственных издательств РСФСР – КОГИЗ). Существовавшие в регионах издательско-книготорговые объединения, такие как Сибкрайиздат и дальневосточное «Книжное дело», превратились в краевые отделения ОГИЗа и КОГИЗа. 22 октября 1930 г. Сибкрайиздат, по решению пайщиков, прекратил свою деятельность, передав

имущество и магазинную сеть Западно-Сибирскому краевому отделению ОГИЗа и Книгоцентра³. Весной 1931 г. Дальневосточный крайисполком утвердил ликвидационный баланс АО «Книжное дело», все наследие которого передавалось Дальневосточному краевому отделению ОГИЗа и Книгоцентра. Так в книжном деле России на шесть десятилетий утвердилась неколебимая вертикаль однопартийной власти, категорически исключавшая в первые годы своего существования всякий учет интересов гражданской «горизонтальности».

Реформаторы 1930-х гг. пошли еще дальше своих предшественников из эпохи «военного коммунизма»: если последние в 1920–1921 гг. не брали на себя централизованное регулирование книжного репертуара местных отделений Госиздата, то система ОГИЗа и сменивший ее в 1950-е гг. механизм Госкомиздата СССР с сетью краевых и областных издательств не оставлял местным издательским работникам даже такого права. Все издательские планы филиалов ОГИЗа (областных и краевых издательств) утверждались коллегией ОГИЗа (Госкомиздата). Столичные руководители решали за своих местных подчиненных, какую книгу, под каким названием и каким тиражом они (подчиненные) могут издавать. Феодальная сущность такой культурной «вертикали» привела в конечном итоге к тому, что местные издательства превратились в некие необязательные «довески» к издательской системе Советского Союза. Их роль в культурной жизни регионов являлась весьма ограниченной, а продукция в 1970–1980-е гг., за редким исключением (Восточно-Сибирское и Хабаровское издательства) не пользовалась интересом общественности и никак не коррелировала с ее культурными запросами. Так продолжалось вплоть до начала 1990-х гг.

Смена парадигмы развития книжного дела России в 1990-е – начале 2000-х гг., как уже отмечалось, привела к уходу книжной отрасли из сферы прямых интересов государства и обращению ее в достояние российского общества. Критерием ценности региональных учреждений и предприятий книжного дела с этого времени является их вписанность в «горизонтальные» процессы жизни общественно-культурной среды, степень вклада в развитие местной общественной мысли, участие в решении насущных проблем территории, в повышении ее интеллектуального рейтинга.

Перемена целевых установок и сущностных характеристик книжного дела повлекла за собой формирование совершенно новой структуры издательских и книготорговых предприятий в российской провинции. Главной «скрипкой» среди местных издателей являются сейчас не универсальные по своему книжному репертуару, не претендующие на всеобщий охват читателей в своем регионе, безликие по своим творческим пристрастиям крупные издательства (как было еще недавно), а небольшие издающие фирмы, ориентированные на определенную тематику или жанр,

³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 264. Л. 126, 276, 277; Оп. 3. Д. 34. Л. 334.

имеющие свой круг читателей (и активно создающие его) – как говорят современные социологи, обладающие своим «полем» деятельности или «нишей» на книжном рынке. Именно эта категория издателей находится в зоне повышенного внимания творческой общественности в регионах, о них пишет пресса, спорят профессионалы. Они вносят наибольший вклад в интеллектуальный потенциал «горизонтальных» структур гражданского общества на своих территориях.

В начале 2010-х гг. возникло движение за объединение усилий самостоятельных издателей и книготорговцев российской провинции, имеющих свое творческое «лицо» и определенный профиль деятельности. 2 декабря 2011 г. было объявлено о создании Альянса независимых издателей и книготорговцев России. В число участников Альянса вошло несколько известных представителей Сибири и Дальнего Востока. Мотивируя необходимость соединения сил, один из инициаторов создания Альянса, издатель А. Иванов отмечал, что современная книжная «провинция держится на независимых издателях» и что «ситуация такова, что ощутима потребность в новых горизонтальных связях в объединении разных людей на разных площадках»⁴.

Напротив, доставшиеся от прошлой эпохи краевые и областные издательства, универсальные по книжному репертуару, накопившие большой опыт работы, обладавшие солидным кадровым потенциалом и немалой материальной базой, за истекшее двадцатилетие все как один потерпели крах. Казалось бы, они находились в лучших условиях, чем начинающие с нуля частные независимые издатели: они имели небольшое финансирование от Министерства печати России и бюджетов своих краев (областей), в их руках находились связи с региональными книготоргующими организациями, с администрациями всех уровней. Не было лишь одного: полной свободы действий. Вопреки изменившейся эпохе система краевых и областных издательств по-прежнему основывалась на принципе «вертикального» управления. Вышестоящие звенья системы выдавали лишь целевые средства на издание строго плановой, так называемой «социально значимой» литературы – и неукоснительно требовали отчета (с 1996 г. – ежемесячного) об использовании этих средств точно по назначению. В распоряжении региональных государственных издательств, таким образом, находились только «связанные» деньги. Возможности заняться инициативными (и прибыльными) издательскими проектами препятствовали также традиционные обязательства перед местными властями,

в том числе обязанность поддерживать региональные писательские организации и выпускать заведомо убыточные произведения местных авторов – зачастую без адекватной компенсации из региональных и муниципальных бюджетов. В конкретных случаях причинами банкротства региональных издательств системы Мининформпечати России становились экономическая безграмотность (Томское издательство, 1993 г.) и волонтаризм руководителей (Алтайское издательство, 1998 г.), закредитованность издательств и захват их более мощным региональным конкурентом. Но суммируя все причины краха «старых» издательств, можно прийти лишь к одному выводу: их погубил «вертикальный» принцип руководства и распределения ресурсов.

Чем дальше уходит время, тем сложнее становится картина издательской и книготорговой деятельности в восточных регионах постсоветской России. Вполне возможно, что действительность опровергнет те рассуждения, которые читатель найдет на страницах данной статьи. Но современники обязаны отслеживать тенденции, пробивающие путь в региональном книжном деле, и пытаться давать им интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Посадсков А.Л. Книжное дело Сибири в условиях формирования советского общественного строя (1917– июнь 1941 гг.): автореф. дис. в форме науч. докл. ... д-ра ист. наук. М., 1993. 44 с.
2. Ткач О.П. На пороге перемен: [Интервью с членом Совета Федерации, вице-президентом Российского книжного союза О.П. Ткачом; вела С. Зорина] // Книжная индустрия. М., 2011. № 10. С.20–25.
3. Очерки истории книжной культуры в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2004. Т. 3: 1917–1930 гг. 436 с.
4. Очерки истории книжной культуры в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2002. Т. 4: 1931–1962 гг. 500 с.

REFERENCES

1. Posadskov A.L. Book business of Siberia under the conditions of forming Soviet social system (1917– June, 1941): author's abstract of dissertation in the form of report. Moscow, 1993, 44 p. (in Russ.)
2. Tkach O.P. On the threshold of changes: Interview. *Knizhnaya Industriya*. Moscow, 2011, no. 10, pp. 20–25. (In Russ.)
3. Essays on History of Book Culture in Siberia and Far East. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 2002, vol. 3: 1917–1930, 436p. (In Russ.)
4. Essays on History of Book Culture in Siberia and Far East. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 2004, vol. 4: 1931–1962, 500 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.09.2016

⁴ Создатели Альянса независимых книгоиздателей рекомендуют книги читателям FURFUR: URL: www.furfurmag.ru/furfur/all/culture/157905_literature (дата обращения: 12.01.2012).